

Т у ш и н ы .

(Этнографическій очеркъ).

Характеръ страны; мѣстоположеніе. Племенной составъ. Бытъ. Религія.
Положеніе женщины. Обычное право. Поэзія.

Лѣтомъ 1888 года мнѣ удалось побывать и на сѣверномъ, и на южномъ Кавказѣ, и въ Пшаветіи, и въ Тушетіи, трудно-доступной странѣ грузинскихъ горцевъ. Я не буду утомлять читателей описаніемъ дикаго Дагестана и Кизлярскаго округа, гдѣ я проѣздомъ посѣтилъ двѣ деревни грузинъ, сохранившихъ въ полной чистотѣ, среди русскаго и чеченскаго населенія, національные нравы, обычаи, языкъ и поэзію. Я обращаю вниманіе на Тушетію, какъ на одинъ изъ чудныхъ уголковъ прекраснаго Кавказа. Я никогда не забуду Пан-кисскаго ущелья – этой маленькой, живописной долины, окаймленной темными дремучими лѣсами и перерезанной бурною рѣкою Алазанью, въ которую съ дикимъ ревомъ несутся прохладныя горныя рѣчки и низвергаются пѣнящіеся водопады, а вдали – величественно возвышаются Кавказскія горы, вѣчно покрытыя снѣжной чалмой. Эти вѣковѣчныя дубы и столѣтнія орѣховыя деревья многое могли бы сказать изъ минувшей старины и изъ вольной жизни горцевъ, исполненной постоянныхъ тревогъ и непрерывныхъ волненій. Нѣтъ ни ихъ чувствуется какая-то неизъяснимая нѣга и свобода, а свѣжій оживляющій вѣтерокъ, подъ отдаленный плескъ водопада, заставляетъ человека забыть всѣ житейскія невзгоды и помыслы и погрузиться въ созерцаніе открывающейся предъ нимъ могучей, дивной картины. По мнѣ, это поистинѣ – краса природы.

Къ западу отъ скалистой Пшаветіи лежитъ Тушетія, – говорить въ своемъ „Географическомъ описаніи“ грузинскій ученый царевичъ Вахушти. На восточной границе Тушетіи живутъ дидойцы, на северной чеченцы, а на южной кахетинцы. Тушины, сами себя называвшіе „кавказцами“, не были известны древнимъ классическимъ писателямъ, по крайней мере, до V века по Р. Х. Но въ VII в. они упоминаются въ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, рядомъ съ „хебурами“ т. е. хевсурами. Некоторые хотятъ видѣть въ „тускахъ“ намекъ на тушинъ (Берже). Въ грузинской летописи „Картлисъ-Цховреби“ тушины, или туши, какъ называютъ ихъ грузины, были известны какъ мужественные воины, а въ концѣ XVIII в. они составляли верную охранную гвардію царя Ираклія II.

Тушины ныне составляють четыре общины: *цвцы*, *чаг-линцы*, *порикительцы* и *гомецрельцы*. Последнія три общины говорятъ грузинскимъ языкомъ и населены народомъ безспорно картвельскаго племени; населеніе же первой общины представляетъ смесь грузинъ и огрузинѣвшихъ кистинцевъ. Изъ смешенія языковъ этихъ двухъ народовъ лексически образовался тушинскій языкъ, который включилъ въ себя такъ много грузинскихъ словъ, что онъ сталъ непонятнымъ для современнаго кистинца и чеченца. Тушины цвцы безъ исключенія все знаютъ грузинскій языкъ, усвоили грузинскіе нравы, обычаи и, что всего любопытнѣе, не создавъ на своемъ языкѣ народной поэзіи, распѣвають пшаво-хевсурскія или собственно тушинскія пѣсни на грузинскомъ языке.

Часть жителей Тушетіи, вероятно, переселилась еще во время самостоятельнаго существованія Грузіи изъ Картлиніи и Имеретіи, что подтверждается одинаковымъ распространеніемъ нѣкоторыхъ фамилій въ Грузіи и Тушетіи: таковы Логазидзе, Кадагидзе и др. Выселеніе въ горы мирныхъ обитателей долины объясняется желаніемъ избежать суровыхъ наказаній и непосильныхъ государственныхъ повинностей, а также страхомъ предъ постоянно угрожающимъ вторженіемъ окружающихъ свирепыхъ мусульманъ и неукроти-

мыхъ кавказскихъ горцевъ. У насъ есть точное свидѣтельство о томъ, что слѣдствіемъ разоренія Грузіи въ XVIII в. Ага-Магомметъ-Ханомъ, шахомъ персидскимъ, была эмиграція жителей равнины въ Кавказскія горы.

Тушины-цовцы ведутъ полукочевой образъ жизни. Земледѣліемъ они не занимаются; единственное ихъ занятіе – скотоводство. Зимой они живутъ въ Алвани, северной части Кахетіи, а лѣтомъ направляются съ женами и дѣтьми въ горы Тбатана, Сакорне и въ верховья реки Алазани. Здѣсь они живутъ во временныхъ палаткахъ собственнаго издѣлья, а въ Алвани въ это время нельзя встрѣтить ни единой души, и каменные строенія, украшающія деревню, представляютъ какъ бы печальные остатки после непріятельскаго вторженія. Въ Алвани имется сельская школа – единственный разсадникъ образованія въ целой Тушетіи.

Жители трехъ остальныхъ грузинскихъ общинъ вполне привыкли къ оседлой жизни; они занимаются земледѣліемъ, отчасти скотоводствомъ, не совершая далекихъ перекочевокъ, въ противоположность цовцамъ, хотя случается, что и некоторые изъ горныхъ тушинъ, вслѣдствіе недостатка пастбища, спускаются зимой въ Алвани, которая составляетъ общее владѣніе всѣхъ четырехъ тушинскихъ общинъ: каждый тушинъ имеетъ право въ Алвани построить домъ и пасти скотину, где ему угодно.

Земля, на которой живутъ тушины и пасусь стада, – государственная. Поземельное владеніе до послѣдняго времени не было точно разграничено: некоторые обрабатывали 15 десятинъ, а другіе лишь полъ-десятины. Въ последнее время, по распоряженію Тіонетскаго уѣзнаго начальника кн. Джандіери, неравномерное владѣніе землей уничтожено: каждый тушинъ получилъ около 4 десятинъ, хотя онъ можетъ вспахать и участокъ односельчанина по добровольному съ нимъ соглашенію и чувству товарищества, но не по праву полного владѣнія, какъ это было прежде. По распространенному изстари обычаю, онъ не можетъ продать своего надела другому или вспахать поле въ районе другой деревни.

Пастбища у тушинъ находятся въ общинномъ владѣніи. Лѣсъ „Отхитвали“ (четыре глаза) на р. Алазани, купленный на общія средства всехъ тушинъ, также составляетъ общую собственность. Государственную подать до сихъ поръ платили въ размеръ 3 р. 50 к. съ дыма, теперь же она повышена. По инициативѣ тушино-кахетинскаго пристава г. Гугушвили, эта подать распределена по имущественному состоянію каждаго и платится каждыиъ дымомъ въ размере 4–25 руб. При подобной раскладкѣ подати руководились тѣмъ соображеніемъ, что имеющіе большее количество скотины и болѣе другихъ пользующіеся лѣсомъ должны платить и подати больше, чѣмъ маломочные ихъ сосѣди.

Тушины любятъ чисто жить; землянки имъ неизвѣстны; комната для гостей почти у всехъ имеется. Домъ убранъ коврами, которые вяжутъ тушинки и красятъ сокомъ разноцвѣтныхъ травъ. Мужчины делаютъ сундуки, корыта и продаютъ ихъ въ Кахетіи; въ работники они не идутъ, а крѣпостное право никогда не было имъ известно. По характеру они отличаются добродушіемъ и гостепріимствомъ.

При обзоре нравовъ и обычаевъ тушинъ мы не делаемъ различія между цовцами и грузинскими общинами тушинъ. Цовцы, съ техъ поръ какъ спустились съ горъ, заселили четыре построенныя ими деревни: *Алвани*, *Гургадчала* (круглая роца), *Пхакалкура* и *Цоцура*, усвоили грузинскій языкъ, нравы, поэзію и религіозныя представленія. Но вообще нужно сказать, что у тушинъ меньше сохранились остатки старины: христіанство и новые административные порядки въ Тушетіи успешнее, сравнительно съ Пшаветіей и Хевсуретіей, уничтожаютъ следы прежняго національнаго быта.

Тѣмъ не менѣе на ряду съ православнымъ духовенствомъ представители прежней языческой религіи – *деканози*, *хевисъ-бери*, *хуци*, *мнате*, и теперь еще играютъ не маловажную роль на народныхъ праздникахъ, хотя прежній ихъ обширный кругъ действий крайне суженъ и ограниченъ. *Деканози* въ старину, по всей вѣроятности, былъ языческій жрецъ,

исполнитель религиозныхъ обрядовъ; *хевись-бери* (въ переводѣ значить: старецъ ущелья) былъ главнымъ административнымъ представителем, предводителемъ на войне и судьей въ мирное время. Но такое разделеніе властей съ теченіемъ времени утратилось; новые порядки сгладили различіе между хевись бери и деканози, и теперь народъ, отождествивъ ихъ, приписываетъ имъ одну и ту же религиозную компетенцію съ древнейшихъ временъ. Это можно объяснить тѣмъ, что тушины легче и раньше отказались отъ своихъ юридическихъ порядковъ, чѣмъ отъ религиозныхъ представлений, которыя глубже укореняются въ сознаниіи народа.

Хевись-бери и деканози можетъ быть лицо, безукоризненно проведенное дни своей жизни, не замѣченное своими братьями въ дѣлахъ предосудительныхъ, безнравственныхъ и вредныхъ народнымъ интересамъ. Эта религиозная компетенція наследственно не передается; хевись-бери – лицо выборное. Кандидатъ на эту почетную обязанность указывается *кадаш* (оракуломъ), который говоритъ по волѣ божества и одаренъ способностью прорицанія; но случается, что помимо провозглашенія кадаги въ отправленіе высокой должности хевись-бери вступаетъ самовольно лицо, считающее по своей добродѣтельной жизни достойнымъ занимать постъ народнаго представителя и несомнѣнно подающее надежды своей усердной службой святому оказаться на высоте своего назначенія. Число хевись-бери при одномъ святомъ не превышаетъ 3–4. Права и обязанности ихъ точно не разграничены. Можно сказать, что одинъ изъ нихъ признается старшимъ, а остальные считаются его подчиненными. Первому принадлежитъ исключительное право рѣзать жертвенныхъ животныхъ, прижигать имъ шерсть восковой свѣчой и делать кровью жертвы изображеніе креста на лбу жертвователя. Второй хевись-бери, по приказанію перваго, собираетъ лепешки, хлѣбъ для пива, а третій варитъ пиво. Въ отсутствіи старшаго хевись-бери его помощники по очереди исполняютъ его обязанности, при чемъ ихъ священно-

дѣйствіе не считается въ глазахъ народа менѣе угоднымъ и пріятнымъ „всемогущему” святому.

Если хевись-бери (деканози) назовемъ первосвященникомъ, то стоящаго одной ступенью ниже исполнителя религіозныхъ обрядовъ – *хуци* – слѣдуетъ уподобить простому жрецу при капищѣ. Капища строятся вѣмѣстахъ, заросшихъ лѣсомъ, большею частью на горѣ. Комната, называемая *хата* (образъ), составляетъ главное отдѣленіе храма, въ которомъ часто нетъ ни одного образа; его заменяетъ единственная святыня народа – *дроша*, знамя съ колокольчикомъ, напоминающее хоругвь. Только при видѣ дроша народъ снимаетъ шапки и дѣлаетъ движеніе рукой вдоль груди, какъ бы творя крестъ. Хуцисъ разрешенія и благословенія главы священнослужителей исполняетъ всѣ тѣ обязанности, которыя возложены на хевись-бери. Онъ совершаетъ тайнства вѣнчанія, причащенія, обряды погребенія и освященія дома после разрѣшенія жены отъ бремени, отъ чего, по представленію тушинъ, домъ наполняется скверностью и требуетъ очищенія молитвой и водосвятиемъ. На послѣдней ступени іерархической лѣстницы стоитъ *мнате*, соотвѣтствующій нашему церковному старостѣ. Мнате является исполнителемъ распоряженій хевись-бери; онъ рѣжетъ жертвенныхъ животныхъ послѣ того, какъ деканози благословили ихъ и поднялся на небольшое, съ этой цѣлью устроенное возвышеніе для произнесенія умиловляющей молитвы. Мнате наблюдаетъ за пожертвованными садами, баранами и за всѣмъ движимымъ достояніемъ святого, которому онъ служить, а въ день его праздника онъ является главнымъ распорядителемъ на обеде богомольцевъ и щедро угощаетъ ихъ виномъ изъ собственнаго сада святого. Онъ же принимаетъ приносимыя богомольцами жертвованія, которыя определяются усмотрѣніемъ кадаги: барана, вино, курицу, нитяные пояса, колокольчики и др.

Чтобы дать читателю представленіе о празднествахъ тушинъ, опишемъ праздникъ креста св. Георгія Лаша (17 – 19 іюля), известный подыменемъ *Лашароба* или *Лаурисъ-*

Джвроба. На этомъ празднике можно видеть представителей разныхъ народностей Кавказа: тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, кистиичевъ, карталинцевъ, кахетинцевъ и др. Богомольцы, являясь босикомъ и въ белыхъ одеяніяхъ по данному обету, снимаютъ ихъ со вступлешемъ въ ограду св. креста и бросаютъ въ яму, вырытую специально съ этой целью. Предъ оградой находится другая яма, въ которую спускаютъ кровь жертвенныхъ животныхъ. Тутъ же, на небольшомъ возвышеніи лежитъ крестъ, стоитъ сосудъ съ освященной водой для окропленія проходящихъ молящихся. Хевисъ-бери работаютъ усердно и съ сознашемъ своего достоинства: режутъ барановъ, ихъ кровью окропляютъ робкихъ предъ святыней горцевъ и по очереди отдыхаютъ въ особомъ отделии, куда они одни пользуются правомъ входа. Здесь же стоитъ колокольня съ мѣднымъ куполомъ, увѣнчаннымъ св. крестомъ. Съ боковъ креста спускаются на цѣпяхъ маленькое колокольчики, пожертвованные религозными горцами. У колокольни на небольшомъ возвышеніи стоитъ прислоненное къ стене знамя Георгія Лаши, царя грузинскаго, сына Тамары, построившаго здесь некогда церковь во имя св. Теория. Народъ имя строителя храма связалъ съ святымъ и обоготворилъ не совсѣмъ безукоризненнаго своего повелителя. Такъ думаетъ историкъ Нахушти; но более справедливымъ представляется толковаше, по которому слово “Лаша” объясняется отъ слова глашпробаи (походъ) и обозначается этимъ богъ войны, какъ римскій Марсъ: следовательно, эпитетъ „Лашаи сблизается отчасти съ нашимъ „победоносець”. На противоположной горке возвышается часовня во имя Тамары, которую тушины считаютъ вечной девой, какъ бы желая этимъ оправдать ея право на степень святой. Эти священный горки называются вместе „моде-модеме” (братъ и сестра), хотя изъ исторш известно, что Георгій Лаша былъ сыномъ Тамары, а не братомъ ея. Тамаре приносятъ въ жертву козлятъ, на которыхъ народъ смотритъ, какъ на порожденіе дьявола, но считаетъ ихъ необходимыми для прокормленія гончихъ

царицы. А для лошади св. Георгія хевисъ бери покупаетъ на собранныя въ складчину деньги ячмень, обсыпаетъ имъ полъ въ храме и площадь вокругъ него, чтобы лошадь святого не проголодалась и на каждомъ шагу могла подкреплять ослабевшія силы.

Въ ограда храма Лашарисъ-Джвари указываютъ место, где росъ священный дубъ, срубленный какимъ-то кн. Эристовымъ. За этотъ святотатственный поступокъ онъ до сихъ поръ проклинается народомъ. Рассказываютъ и чудо, которымъ сопровождалось уничтожете этого дорогого для всѣхъ горцевъ дерева, соединеннаго съ небомъ золотой цепью. Когда крепостные князя не могли свалить дуба, то велено было имъ найти немедленно человека, который указалъ бы орудіе для вырытія его съ корнемъ. Нашелся изменникъ народной святыни: одинъ пшавецъ обмазалъ кровью кошки священный дубъ, который немедленно былъ оставленъ ангелами, его хранителями; цепь, его обвивавшая, стянулась къ небу, самъ дубъ палъ на землю съ шумомъ, и было паденіе его велико. Съ техъ поръ и началось несчастіе для Грузіи, говоритъ тушинъ и съ чувствомъ горести и злобы распеваетъ жалобную песню, сложенную въ честь Лашарисъ-Джвари, который горько оплакиваетъ въ ней вероломство изменника пшавца.

Причина привязанности тушинъ къ Лашарисъ-Джвари объясняется въ народной песне. Между тушинами и пшавами была продолжительная вражда. Тушины подъ предводительствомъ своего вождя, героя Талисдзе, спустились разъ въ Пшаветіи для ея разграбленія, но все войско ихъ было перебито пшавами, и спасся одинъ лишь глава ихъ храбрый Тилисдзе. Когда мать спрашиваетъ его о результатѣ похода, вождь со скорбью въ сердцѣ говоритъ, что онъ потерялъ товарищей, погибшихъ будто бы отъ жажды въ тѣсномъ ущелье, где произошла схватка между тушинами и пшавами. Но онъ хорошо понималъ, что причина его поражения заключалась въ гнѣве Лашарисъ Джвари, который проклялъ тушинъ за вторженіе въ его священную обитель,

Пшаветію, и даровалъ покровительствуемому народу полную победу надъ враждебными соседями. Сознание этого преступавши предъ „всесильнымъ” святымъ побуждаетъ тушина примириться съ нимъ, принести въ жертву не барана, а “белаго рогатаго быка” для полного искупленія своего преступления; онъ отказывается, какъ говорить Вахуштъ, подобно пшавамъ и хевсурамъ отъ всехъ драгоценныхъ вещей, найденныхъ въ его районе, и жертвуетъ ихъ въ храмъ св. Георгія для спасенія души.

Если праздникъ Лашрисъ-Джвроба сохранилъ еще древнѣйшій характеръ, то друпіе религиозные обряды тушинъ въ значительной степени утратили прежнюю свою окраску. Только свадьба и похороны, совершаемый теперь по обрядамъ православной церкви, къ которой номинально причисляются тушины, – отчасти указываютъ на остатки старины.

Тушины, подобно другимъ горцамъ, имели обыкновение еще въ недавня времена похищать невестъ. Администрація постепенно вытесняетъ этотъ способъ скрепленія супружескихъ узъ, но уничтожить его до сихъ поръ не была въ состояніи. Следы этой традиціи проявляются даже въ бракахъ, освящаемыхъ христіанскимъ духовенствомъ. Такъ, когда женихъ идетъ къ невесте, чтобы взять ее въ церковь, молодую укрываютъ въ отдаленной комнате, и для свиданія съ ней необходимо подкупить родственницу невесты, чтобы она открыла и вывела пленницу изъ потаеннаго места. Второй следъ древняго обычая похищать невесту видимъ въ следующемъ при возвращеніи изъ церкви въ домъ жениха, молодыхъ не вводятъ въ комнату до техъ поръ, пока сопровождающая невесту свита не потушитъ оружейными выстрѣлами зажженныхъ во дворе Факеловъ¹). Когда цель достигнута, гости приглашаются къ ужину, невесту одаряютъ деньгами, а жениху подносятъ шерстяные носки. На второй день съ лица невесты снимаютъ покрывало, заслоняющее ее

¹ Мирная свита невесты – отдаленный намекъ на преследователей хищнаго похитителя молодой тушинки, а обычай стрелять въ факель укавываетъ на прежнюю кровавую перестрѣлку между похитителя невесты и ея родными.

отъ любопытныхъ взоровъ тушинъ, а на третій день она возвращается въ домъ отца, где иногда остается по цѣлымъ неделямъ, месяцамъ и годамъ, и лишь по истеченіи известнаго срока мужъ беретъ ее къ себе въ домъ.

Похоронные обряды тушинъ представляютъ большой интересъ по остаткамъ старины. При погребеніи мужа жена не показывается, а приходящихъ для засвидѣтельствованія своего сочувствія принимаютъ дочери, сестры, родственницы умершаго. Если покойникъ мужчина и следовательно въ глазахъ тушина былъ страшимъ воиномъ, который всего более дорожилъ воинскими подвигами и мужество всегда ставилъ выше всякой хитрости, то приходящій, войдя въ комнату, где лежитъ покойникъ, обращается къ нему съ восклицаніемъ, ударяя себя кулакомъ: „о, несчастный человекъ, ты преждевременно выбылъ изъ числа удалыхъ воиновъ!“ Присутствующее подхватываютъ эту заплачку, и начинается плачь и вой, раздирающе душу. Для выраженія своей скорби женщины рвутъ на себе распущенные волосы, царапаютъ лицо; мужчины же обнаруживаютъ свое соболезнованіе более умереннымъ способомъ: они не стригутъ волосъ и не бреютъ бороды въ течете года, откуда и произошло ихъ названіе – „голичные монахи“. На смертномъ одре тишина причащаетъ хевисъ-бери тайнами собственнаго приготовленія – изъ хлеба и пива, считая ихъ обладающими целебной силой. Но если уже молитва высокочтимаго жреца не спасетъ верующаго горца и судьбе благоугодно будетъ взять его душу въ вечную жизнь, то бездыханный трупъ его кладутъ на доски, покрываютъ буркой, а на грудь его ставятъ подкову. Все, что было дорого покойнику въ жизни, все собираютъ теперь вокругъ него: рядомъ съ нимъ принято класть кинжалъ, а подалеже ставить лошадь съ чернымъ покрываломъ; она провожаетъ трупъ до кладбища, на 7-й, 40-й день снова ведутъ ее на могилу хозяина, а въ конце года она отдается одному изъ родственниковъ, по указанію подкупленнаго заранее кадаги (оракула), который, по верованію тушинъ, точно передаетъ непреклонное жела-

ніе божества; но тушины еще хорошо помнят, что прежде лошадь покойника всегда отдавалась дяде его по матери. Въ этомъ обычае можно видѣть переживаніе такъ называемаго матриархата.

Для успокоенія души и для облегченія тягостей, выпавшихъ ей на томъ свете, назначается въ конце года *зош*, т. е. стрельба въ цѣль и скачки. Въ скачкахъ участвуютъ 12 – 15 лошадей и все получаютъ награды: первая прибывшая на место получаетъ барана, а затѣмъ градація наградъ идетъ постепенно ниже, и последняя лошадь беретъ лишь 50 коп.

Душа умершаго после погребенія тела продолжаетъ жить среди своихъ родственниковъ. Она нуждается въ пище и питье, и потому за обедомъ и ужиномъ откладывается извѣстная порція для утоленія ея голода. Ухаживать за душой покойника крайне необходимо въ виду ея способности приносить пользу или вредъ сородичамъ, смотря по степени ихъ уваженія къ ней.

Кроме души умершаго родственника, каждымъ шагомъ, каждымъ дыханіемъ тушина управляютъ злые и добрые гении. Онъ боится зевнуть, чтобы дьяволъ не проникъ чрезъ открытый ротъ въ его душу. Его завлекаютъ злыя существа въ непроходимыя дебри на съедете дикимъ звѣрямъ, а добрые гении помогаютъ ему лишь тайно, невидимо.

Интереснымъ представляется языческое понятіе тушинъ о загробной жизни, хотя оно значительно ослаблено вліяніемъ христіанской религіи. Загробный міръ въ народныхъ песняхъ тушинъ именуется *сулети*, т. е. мѣстомъ, где покоятся души умершихъ. При входе въ это подземное царство сидятъ „стропе судьи“, которые принимаютъ умершихъ и остригаютъ у нихъ острыми ножницами два – три волоска. Сулети заключаетъ въ себе и адъ и рай, между которыми протекаетъ бурная смоляная рѣка, а чрезъ нее перекинута мостъ изъ одного волоска. Праведники благополучно переправляются и достигаютъ рая; когда же грешники вступаютъ на этотъ злополучный мостъ, онъ тотчасъ проваливает-

ся: они падаютъ въ огонь, и пламя моментально охватываете ихъ съ ногъ до головы. Рай наследуютъ все безусловно проведенные дни земной жизни, а въ адъ попадаютъ все опозорившіе свое имя какимъ-нибудь недостойнымъ деяніемъ, при чемъ наказаніе этихъ грешниковъ определяется степенью гнусности ихъ поступка: солгавшие вешаются въ аду за кончикъ языка; вступившіе въ противонаравственные связи съ кумой подвергаются оригинальной хирургической операціи: у нихъ вырезывается на шашлыкъ мясо съ лядвей, а кончикъ языка просверливается остриемъ ножа; кто разстроитъ могилу, которую охраняетъ особый богъ, подобно римскому Гермесу, карается тѣмъ, что обрекается вечно носить на своихъ плечахъ тяжелые камни. Для грешниковъ другихъ категорій тушины не назначаютъ специальныхъ наказаній: всехъ ихъ опускаютъ головой въ котлы, которые наполнены горячей смолой, а вокругъ бушуетъ адское пламя бешеной геенны.

Скажемъ теперь несколько словъ о положеніи женщины въ Тушетіи. Степень уваженія къ женщине зависитъ отъ личныхъ ея нравственныхъ качествъ. После оружія тушинъ всего более дорожить неприкосновенной честью женщины. Защита ея целомудрія не разъ служила причиной поднимать знамя войны противъ враждебныхъ соседей. Деревня закладывала все свое достояніе, чтобы искупить похищенную лезгинами тушинку изъ унижительнаго для нея плена. Сама женщина умеетъ постоять за себя и удачнымъ выстреломъ ловко укладываетъ дерзкаго ухаживателя. Верность жены мужу считается ея священной обязанностью, а измена съ ея стороны представляется тушину величайшимъ позоромъ, оскорбляющимъ его честь и задевающимъ его за самые чувствительные нервы. Последовательность въ примененіи чувства вѣрности и преданности жены мужу создала и развила въ древности обычай закалывать и хоронитъ жену съ умершимъ мужемъ. Следы этого обычая видимъ и теперь въ отсутствіи у вдовы косы, которая у нея отрезывается по смерти мужа. У замужней женщины локоны распущены, а волоса

завиты, а у дѣвицы заплетены и волоса и локоны. По этимъ внѣшнимъ признакамъ можно отличить вдову отъ замужней женщины и отъ девицы. Всѣ оне носятъ большой платокъ или шаль на голове подѣ назвасемъ *мандили*. Мандили имеетъ важное значеніе въ глазахъ горцевъ: онъ представляетъ неприкосновенную святыню для вражескихъ рукъ и защиту противъ нечестивыхъ поползновеній. Мандили не разъ прекращаль споры и кровавыя столкновенія между враждебными фаміліями. Разъ женщина сняла мандили и положила его у ногъ разъяреннаго горца, послѣдній долженъ вложить вынутый кинжалъ въ ножны и отступить немедленно назадъ: переступить чрезъ мандили считается равносильнымъ оскорбленію женской чести.

Женщина у тушинъ отличается застенчивымъ, стыдливымъ характеромъ; она прячется отъ глазъ неожиданнаго гостя, говоритъ только съ родственниками и близко знакомыми, и вообще чемъ она меньше развязна, темъ выше цѣнятся ея личныя качества. Она бойкая, трудолюбивая хозяйка, верная и незаменимая помощница мужу въ полевыхъ работахъ, любящая и нежная мать своихъ детей. Тушинка поставила себя въ более выгодное положеніе, чемъ женщины другихъ окружающихъ горцевъ и ближайшихъ соседей хевсуровъ. У тушинъ не встречаемъ сильно распространеннаго у хевсуровъ обычая, въ силу котораго женщина, отправляясь въ путь съ мужчиной, следуетъ за нимъ пѣшкомъ, держа за хвостъ лошади своего неблаговоспитаннаго кавалера, едущаго верхомъ. Тушинъ никогда не унижаетъ жену до положенія прислуги, но онъ не забываетъ и своего личного достоинства: онъ не согласится отправить жену верхомъ, а самому пуститься въ догонку; онъ предпочтетъ идти съ женой пешкомъ, а лошадь съ легкимъ багажемъ вести подѣ уздцы. Делаетъ онъ это изъ деликатности, хотя считаетъ себя полнымъ господиномъ жены. Обычай предоставлялъ ему еще недавно право отрезать ей носъ, если она нарушила святость супружеской жизни, а также прогнать ее въ случае ея бездетности, заплативъ ей *самцунebro*, т. е. несколько барановъ.

Вообще она считается не полнымъ человекомъ: известно изъ обычнаго права тушинъ, что убійство женщины оплачивается штрафомъ въ 30 коровъ, что составляетъ какъ разъ половину пени, какой подвергались виновные въ убійствѣ мужчины.

Вотъ еще несколько фактовъ изъ практикуемыхъ у нихъ способовъ наказанія за уголовный преступленія: за ударъ кинжаломъ платится 5 коровъ; ²⁾ если же остриемъ кинжала нанесена рана, тогда кровь стоитъ 15 коровъ. Рана на лице измеряется зернами ячменя: изъ того количества зеренъ, какое уложится на ране, отбрасывается два зерна, а за каждое изъ оставшихся уплачивается корова. За украденную вещь воръ платитъ всемеро темъ-же: если онъ украдетъ одного барана, то долженъ отдать потерпевшему семь барановъ. Для сравненія приведу несколько постановленій обычнаго уголовного права у пшавовъ. Изъ моихъ разспросовъ выяснилось, что кровь мужчины у пшавовъ стоила прежде 80 коровъ (по законамъ царя Важтанга за кровь крестьянина полагалось 120 руб. или 60 коровъ); за отсеченіе руки полагалось 24 коровы (по законамъ Важтанга 20 коровъ), за пораненіе ноги 16 коровъ, за поврежденіе глаза 16 коровъ (по законамъ Важтанга 20 коровъ), за отсеченіе мизинца 1 корова, за безъимянный палець 2 коровы, за средній палець 3 коровы, за указательный палець 4 коровы, за большой палець 5 коровъ, за вышибъ зуба 1 корова; угонъ стада считался у нихъ преступленіемъ равнымъ убійству человека. У кистинцевъ я записалъ слѣдующія данныя по атому же вопросу: за отсечете руки полагается $\frac{1}{2}$ крови, т. е. половина 120 коровъ; глазъ стоитъ тоже полъ-крови; за пальцы наказате совершенно подобное тому, какое известно

² За неимѣніемъ коровъ виновный можетъ уплатить другими животными или вещами, для чего установлена, сравнительная оцѣнка между скотомъ и вещами. Такъ, напр., жеребець стоитъ 7 коровъ, кашаръ 8 коровъ или 40 р., корова 4 барана, быкъ 7 барановъ, козель 80 коп., баранъ отъ 1 р. 30 к. до 2 р., масла литра (9 фун.) 1 р.; кода пшеницы (2 п. и 9 ф.) стоитъ 5 коровъ; ружье стоитъ 20 коровъ или 100 руб.

у пшавовъ; за зубъ 3 коровы; за похищеніе женщины силой можно убить похитителя безъ наназанія; за воровство уплачивается 15 разъ больше украденной вещи. Кровная месть – законъ чести.

У тушинъ, какъ и у всѣхъ горцевъ, уголовный преступникъ судился прежде представителями всѣхъ общинъ. Высшимъ наказаніемъ считается отлученіе отъ народныхъ праздниковъ, изгнаше изъ общины. Не менѣе тяжкимъ представляется побіете камнями, только не въ буквальномъ смысле. Во время своего путешествія не далеко отъ селенія Дуиси я обратилъ вниманіе на большую кучу камней, собранныхъ очень старательно въ горку. Мне объяснили ея происхожденіе. Одинъ кистинецъ вошелъ въ противозаконную связь съ сестрой своей жены. За это преступленіе деревня решила наказать его самымъ неумолимымъ образомъ, какой только ей былъ известенъ: присудили уплатить въ пользу отца жены 160 руб., развести виновнаго съ женой, а его самого побить камнями. Побивается не онъ лично, а его имя на перекресткахъ дорогъ, где каждый съ бранью оставляетъ камень, какъ бы бросая въ него самого. При уплатѣ пени помогаютъ родственники, которые являются и соприсяжниками, когда дело решается присягой. У тушинъ присяга и клятва бываетъ двухъ родовъ: присягающій произносить ее, или обойдя три раза вокругъ жертвенника со знаменемъ, или же ставятъ его на колени близьмогиль своихъ предковъ, кладутъ предъ нимъ ослиное седло и сосудъ, изъ котораго ели собаки, и, указывая на присягающаго, присутствующее обращаются къ душамъ покойниковъ: “Усопніе наши! – говорятъ они: приводимъ мы этого человека на судъ; отдайте его, кому хотите, въ жертву и служеніе и делайте съ нимъ, что хотите, если онъ не скажетъ истину”. Присягающій произносить клятву. Кроме присяги, судъ практикуетъ ордалии, какъ средство для возстановленія истины и очищенія заподозреннаго въ известномъ преступленіи. Изъ такихъ средствъ известны между прочимъ кипятокъ и раска-

ленное железо. Старикъ Учкю Ахадели ³⁾ рассказалъ мнѣ одинъ случай примененія кипятка. На одной мельнице на женщинъ пало подозрѣнiе въ краже одного мешка муки. Для того чтобы открыть воровку, решили вскипятить воду и опустить туда годкову, вынудивъ ее съ обжогомъ должна была быть признана виновной въ краже. Только одна изъ фамилій Джабиани оказалась невредимой после испытанiя; она была оправдана, а остальные признаны участницами въ воровстве. Ахадели рассказалъ мне это съ полной верой и безъ всякаго сомнѣнiя въ действительности принятой меры. Виновницы кражи на этотъ разъ были наказаны. Но если кадаги (оракуль) отъ имени креста св. Георгiя объявляетъ, чтобы преступники были отпущены безъ возмездiя, тогда въ благодарность святому приносится котель пива, жертвуется баранъ или корова, и темъ происходитъ очищенiе преступника въ глазахъ земляковъ.

Остается упомянуть о поэзiи тушинъ. Поэзiя тушинъ вообще мало известна. Мне удалось собрать несколько десятковъ песенъ, который даютъ возможность составить нѣкоторое понятiе объ ихъ поэтическомъ творчестве.

Но прежде, чѣмъ говорить о песняхъ, я приведу для образца одну легенду объ *І. Христѣ и Иоаннѣ Крестителѣ*.

Жилъ беднякъ съ женой. Онъ былъ такъ беденъ, что даже изорванная чохъ представлялась ему прiятной мечтой. Подбирая лоскутки, онъ изъ нихъ готовилъ себе одеянье. Прошло семь летъ, у бедняка родился сынъ. Ни бедный, ни темъ более богачъ, не желалъ быть крестнымъ отцомъ его сына. Иоаннъ Креститель, обращаясь къ *І. Христу*, говоритъ:

„Мальчикъ, котораго мы дали бедняку, остается безъ миропомазатя: крестимъ-те его". — „Любезные кумъ и кума (обращаются они къ родителямъ мальчика), если вамъ угодно, мы крестимъ вашего сына”.

³⁾ Учкю — собственно значитъ “безъ ума”; в Пшаветiи я встрѣтилъ трехъ лицъ съ такимъ прозвищемъ.

– Какъ вы можете у насъ крестить, когда у насъ н-ѣтъ ни вола, ни коровы?

– „Мы можемъ дать вамъ много добра, если только вы окажетесь достойными нашего благодѣянiя“.

Кума за неимѣніемъ платья прячется за корзину, кумъ же корчится отъ продолжительнаго голоданiя.

– „Если вы заслужите нашего вниманiя, мы васъ обогатимъ: наполнимъ окрестныя поля и ущелья овцами и коровами“. – Сказали и ушли.

Проходятъ семь лѣтъ, а крестникъ ни разу не видель еще своего крестнаго отца. Разъ Іоаннъ Креститель говорить І. Христу: „отправляйся къ своей куме, посмотри, какъ она тебя приметъ“. І. Христось пошелъ.

– „Къ намъ пожаловаль дорогой кумъ“, – докладываетъ служанка своей хозяйке.

– Пусть убирается отсюда! Что онъ такъ повадился къ намъ? Ничего хорошаго я отъ него не видала, хотя бы разъ онъ мне принесь на платье.

– Нѣтъ, уважаемая хозяйка, не говорите этого о немъ. Лучше зарежемъ откормленную курицу, разстелемъ дорогiе ковры и примемъ его радушию.

– Молчи, служанка, не позволяй себе много! Лучше отнеси ему кусокъ кукурузнаго хлеба и немного кислаго молока. Бели онъ голоденъ, то и это съестъ, а если не хочетъ, то пусть убирается, куда ему угодно.

– „Тебе бы лучше повидаться съ кумомъ“, – говоритъ І. Креститель Христу. – „Отъ женщины толку не добьешься“.

Вотъ Христось идетъ навестить своего кума.

– Дорогой кумъ, дайте намъ шерсти: немного не достало для носковъ.

Взялъ кумъ и бросилъ горсть шерсти.

– Кумъ, зарежь намъ жирную овцу; за одну получишь тысячу.

– Если хорошую вамъ зарѣзать, то хромуя для кого прикажете оставить?

Кумъ и кума возсѣли на золотой „тахте“ (турецкiй или,

лучше сказать, восточный дивань). – „Разступись земля и скрой ихъ въ своей глубине, этихъ неблагодарныхъ людей! Да обратится, кумъ, твоя борода въ траву, пусть вечно косить тебя косарь и пусть трава не истощается! А твоя кровь, кума, обратится въ корень марены, пусть грекъ тебя копаеть безпрестанно и пускай ты будешь неистоцима! А крестнаго сына возьмемъ съ собою, ибо миро священо”...

Поэзія тушинъ распадается на два періода: древнейшую – героическую и новую – лирическую. Между этими періодами следуетъ поставить песни историческаго содержания. Въ героическихъ песняхъ тушины сохранили воспоминаніе объ Амيرانе, который предпринимаетъ грозный походъ противъ персовъ, вследствие отказа испаганскаго владетеля выдать за тушинскаго героя дочь свою замужъ. Амيرانъ пригласитъ двухъ своихъ братьевъ Бадри и Усупи въ Джавахетію; они разбили тамъ втроемъ трехтысячное испаганское войско, похитили дочь шаха и умчали ее на быстромъ коне.

Далѣе известны еще героическія песни сложенный въ честь Торгва, Тилисдже, Ватадже, Гига, Зезва и другихъ героевъ, которые отличились въ борьбѣ съ лезгинами, кистинцами, чеченцами. Гига воспеваеся какъ охранитель и защитникъ кровной мести. За убійство въ войнѣ своего брата Теория, Гига уничтожаетъ целый отрядъ лезгинъ и этимъ чувствительнымъ урокомъ ограждаетъ Тушетію отъ повторенія подобныхъ случаевъ вторженія со стороны кистинцевъ и лезгинъ.

Герой Зезва фигурируетъ между прочимъ въ нижеследующемъ сказаніи о взятіи Бахтріонской крепости, которое привожу въ изложеніи. Объ этой крепости такъ отзывается географъ XVIII в. Вахушти: “Къ востоку отъ реки Алазани лежитъ крепость Бахтріони. Некогда она представляла собою сильную твердыню, но теперь брошена”. Печальныя развалины этой крепости действительно слабо напоминаютъ о ея минувшей славе. А вотъ что рассказываетъ о ней народное преданіе.

Два тушина изъ пирикительцевъ, охотясь за дикими ко-

зами, взошли на небольшую гору, откуда открылась имъ неизвестная до того времени роскошная Кахетія съ ея Алазанскою долиною. Видъ восхитительной картины очаровалъ охотниковъ такъ сильно, что они решили немедленно спуститься внизъ, въ Панкисское ущелье. Здесь они встречаются татарскую стражу на речке Бацарись-Цкали. Татары нападаютъ на нихъ, захватываютъ въ пленъ и, мало того, надругаются надъ ними самымъ позорнымъ образомъ. Народъ, взволнованный этимъ гнуснымъ поступкомъ своихъ враговъ, разсылаетъ гонцовъ къ пшавамъ и хевсурамъ, призывая ихъ къ мести за позоръ, который весь народъ терпелъ въ лице своихъ собратьевъ. Горцы откликнулись, собрались въ Тушетію пшавы, хевсуры, тушины близъ речки, где обыкновенно решались дела, касающіяся всехъ общинъ. Ополченіе разделилось на два отряда: одинъ направился въ Панкисское ущелье, где и скрылся, другой – къ Бахтріонской крепости. Последнему отряду пришлось переправляться чрезъ реку по мосту, усыпанному золой съ тою целью, чтобы по оставшимся на ней следамъ знать на правленіе враговъ. Тушины прибегли къ хитрости Виттекинда, подковали лошадей обратно и такимъ образомъ ввели въ заблужденіе татаръ относительно принятаго маршрута. Войско „султана” погналось за ними, но какъ разъ въ другую сторону. Между тѣмъ отрядъ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ приблизился къ Бахтріонской крепости, занятой татарами. Ворота крепости были заперты и взять ее не было надежды. Но герой Зезва заранее предвидель это: онъ заготовилъ колья, которые вбилъ въ стену, и, взобравшись по нимъ, спустился во внутрь крепости⁴). Отворивъ ворота, онъ впустилъ поджидавшихъ соумышленниковъ, а татары, видя ихъ, выбѣжали въ поле. Погнался победоносный отрядъ за татарами, на встречу которымъ шелъ другой отрядъ горцевъ изъ Панкисскаго ущелья. Застигнутые въ середине татары все были перебиты, почему Алванское поле и получило названіе

⁴ Отсюда онъ получилъ прозваніе *Гаприндаули* (отъ *прена* – летать).

„ганцхветила” (анцхета – истреблять). Хевсуры и пшавы взяли добычу, а тушины получили Алвани. Этимъ объясняете народъ происхождение Алвани, какъ общей собственности всѣхъ тушинъ. Самое назваше Алвани ставится въ связь съ грузинскимъ словомъ „алиа – пламя, такъ какъ дымились потоки крови татаръ, павшихъ на поле брани. По другому народному объясненіи имя Алвани происходитъ отъ *ал* – господинъ или госпожа по кистински и *ва* – здесь; *ал ванн* значите – „здесь есть”, т. е. здесь мѣсто пребываше царицы, именно Тамары, о чемъ свидетельствуютъ развалины крепости.

Сохранился разсказъ о подвиге героя Зезва и въ песне, которой я не считаю уже нужнымъ приводить. Сообщу взаменъ этого отрывокъ изъ весьма распространенной на Кавказе поэмы „Ростомъ”, содержаше которой я передавалъ въ очерке о пшавахъ и указалъ следы ея существованія у мохевцевъ.⁵) Уцѣлѣвній эпизодъ у тушинъ передаете тотъ моменте борьбы Ростомъ съ сыномъ своимъ Зурабомъ, когда последний, пораженный отцомъ, испускаете духъ.

– Ты, старецъ, убеленный сединами,
Зачемъ вонзилъ ты въ меня свой мечъ до рукоятки!

Куда ты уйдешь отъ мести отца моего Ростомъ?

– Если ты сынъ Ростомъ, у тебя будете знакъ на теле.

О, горе! Сынъ мой, Зурабъ, ты убить рукой отца!

Не моя вина, виновата твоя мать.

Кто повѣрять женщинѣ, да лишится могилы!

Въ историческихъ песняхъ воспевается царица Тамара и царь Ираклій II. Въ уста Тамары влагается грустное размышленіе о томъ, что она, при всей своей земной славѣ, не смотря на то, что победоносно пронеслась отъ Испагани до Константинополя, наложила дань на Турцію и Персію и была грозною повелительницею полъ-міра, – все таки унесла

⁵ См. „Сборн. матеріалов по этнографіи”, изд. подъ ред. В. Ф. Миллера (Москва, 1888), вып. III, стр. 94.

съ собою въ вечную жизнь лишь семь аршинъ грубаго холста. При этомъ вспоминается изречете мудраго Соломона, который, изобразивъ тщетную борьбу человека на земле, восклицаетъ съ чувствомъ безграничнаго отвращенія отъ свѣта: „все суета!“ Въ другой песне воспеваема царь Ираклій II, который навелъ такой ужасъ на лезгинъ и кистинцевъ, что они вынуждены были скрыться въ горы и надолго отказаться отъ разграбленія тушинскихъ стадъ.

Съ неменьшимъ успехомъ онъ управлялся и съ турками:

Ираклій, Карталинскій повелитель,
Божьей волею взялся за мечъ.
Загремель въ барабаны, заиграль въ свирели
И собралъ сильный отрядъ.
Соорудивъ железныя телѣги,
Онъ наполнилъ ихъ оружіемъ,
На рекахъ мосты построилъ.
Разрушивъ турецкій городъ до основанія,
Ираклій взялъ много добычи.

Въ трудныя минуты, подъ натискомъ врага, всегда вспоминали тушины этого героя-царя, сожалея, что онъ не придетъ заступиться за нихъ, и придавая себе храбрости однимъ воспоминаніемъ о немъ:

Возстань, проснись, герой героевъ!
Ведь ужъ слышится крикъ враговъ:
Пусть не застануть они насъ безпомощными:
Начнемъ-те ихъ разить, какъ прежде разили!..
Но мы видимъ, что ты медлишь,
И намъ не вернуться домой!..
Поле и площадь усыпаны жемчугомъ,
И онъ собирается темъ, кто совершилъ подвигъ;
Но горе изменнику отечества на томъ свете:
Будеть онъ брошенъ въ огонь неугасаемый!

После смерти Ираклія не только Тушетія, но и вся Грузія сделалась ареной кровавыхъ сценъ. „Пали железныя врата, погибъ тушинъ, умеръ царь Ираклій – неузвима твердыня

безопасности Грузіи!” Царица убивается надъ безжизненнымъ трупомъ супруга; она призываетъ тушинъ, верныхъ воиновъ Иравдя, противъ враговъ, уже разсуждающихъ надъ свежей могилой царя, кому овладеть престоломъ. Видно, что песня эта сложена женщиной, потому что она оканчивается такимъ восклицаніемъ: „О, если бы я была мужчиной, то оделась бы въ кольчугу и первая вонзила бы кинжалъ въ сердце ненавистного врага!”

Такимъ энтузіазмомъ проникается слабая натура женщины въ предчувствіи позора, ожидающаго Грузію. Не даромъ женщина служитъ предметомъ поэтическаго воодушевленія тушинъ и воспевается какъ хранительница завета предковъ, съ презрительнымъ укоромъ обращающаяся къ самимъ же тушинамъ, потерявшимъ прежній отважный геройскій духъ, Если теперешній мужчина уже не тотъ безстрашный воинъ, о которомъ прежде мечтала ту шинка, за то она та-же скромная и верная супруга со всеми качествами, которыми тушинъ чрезвычайно дорожатъ. Онъ воспеваетъ ея черные глаза, черныя кудри, и, по своей любви къ Фигуральнымъ выраженіямъ, сравниваетъ ея носъ съ тонкой свирелью, нежныя губки – съ кожицей лука, зубы – съ правильно расположеннымъ бисеромъ, а слезы на розовыхъ ланитахъ уподобляетъ паденію звездъ съ небесной высоты.

Или вотъ еще подобнаго же рода образныя восхваленія:

Скажи мне, девушка, чья ты?
Твои глаза напоминаютъ ежевику;
Лобъ походите на луну,
Появившуюся среди темной ночи;
Лицо же твое подобно утреннему солнцу,
А ростъ тростнику, растущему при морѣ .

Любовью этой красавицы тушинъ очень дорожатъ и всякая случайная помеха или интриги злого разлучника подвергаютъ его въ уныніе или въ озлобленіе.

Полюбилъ я девицу-красавицу,
Но меня постигло несчастье:

Просиль ея руки, и мне отказали,
Злой разлучникъ сталь между нами.
Уймись, недругъ, перестань враждовать,
Украти свой змеинный языкъ!
Ведь ты виновникъ нашего разлада.
Тяжкій же грехъ ты взялъ на себя!

Желалъ бы я быть ястребомъ
И подняться на высокій утесъ.
Кабы догнать мне твоего похитителя
П увидеть, на чьей руке ты ляжешь!..
Я поведаю тебе свои мысли,
Если ты отзовешься на стонъ моего сердца:
Я уже покидаю этотъ край,
Иду въ триалеты (горы) за овцами.
Хоть тогда поплачь обо мнѣ,
Когда насыплють надо мною могилу.

Съ своей стороны за измену разъ избранной подругѣ тушинъ самъ надъ собою произносить неумолимое проклятіе „Твоего изменника, – говорить онъ красавице въ песне, – пусть караетъ всевышній Богъ, пусть буря-ураганъ застигнетъ на безлюдномъ „салбухскомъ” поле и раздробится на куски поднятый на врага сверкающій кинжалъ!” Тушинъ не знаетъ более страшнаго проклятія. Требуя отъ женщины постоянства, онъ и самъ себя обязываетъ остаться неизменнымъ другомъ своей возлюбленной.

Этотъ лирическій мотивъ остается господствующимъ въ современной тушинской поэзіи. Могучій родникъ поэтическаго творчества тушинъ, дающаго свежія, яркія картины жизни и природы, разливается въ современной поэзіи лишь тремя струями: унылой струею недовольства, упоительнымъ потокомъ любви и освежающимъ ручьемъ добродушнаго гостеприимства.

А. Хахановъ